

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 16.02.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-1-623-628

АМИНОВ Д.И.,

доктор юридических наук, профессор,
e-mail: aminovdi59@mail.ru

ЭРИАШВИЛИ Н.Д.,

профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники,
лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования,
e-mail: office@unity-dana.ru

ОПОКИН А.Б.,

старший преподаватель кафедры Права,
ЧОУ ВО Академия управления и производства, г. Москва;
старший преподаватель кафедры Публичного права и кафедры
Гражданского права и процесса ЧОУ ВО «Московский университет
имени С.Ю. Витте», г. Москва,
e-mail: alopokin@yandex.ru

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ЭСТОППЕЛЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу принципа эстоппеля как потенциального механизма гуманизации и повышения справедливости уголовно-правового регулирования в Российской Федерации. Рассматриваются историко-правовые истоки доктрины эстоппеля, её содержание и особенности применения в англосаксонской и международной уголовной юриспруденции, включая концепцию *entrapment by estoppel*. Обосновывается тезис о том, что, несмотря на отсутствие прямого нормативного закрепления эстоппеля в Уголовном кодексе РФ, его элементы уже имплицитно присутствуют в российском праве и судебной практике, что создаёт предпосылки для его трансплантации в сферу уголовного правосудия. В статье оценивается ценностный потенциал принципа эстоппеля с точки зрения защиты доверия к государству, правовой определённости и добросовестности поведения, а также выявляются типовые уголовно-правовые ситуации, в которых его применение представляется наиболее оправданным. Особое внимание уделяется разработке возможных законодательных и процессуальных механизмов интеграции эстоппеля в российскую уголовно-правовую систему.

Ключевые слова: преступление, уголовное право, субъект, стиль, государство, доктрина, толкование, принцип эстоппеля.

AMINOV D.I.,

Doctor of Law, Professor

ERIASHVILI N.D.,

Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya, Doctor of Economics, Candidate of Law,
Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education
of the Russian Federation, laureate of the Prize of the Government
of the Russian Federation in the field of science and technology, laureate
of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of education

OPOKIN A.B.,
Senior Lecturer, Department of Law,
Private Educational Institution of Higher Education Academy
of Management and Production, Moscow; Senior Lecturer,
Department of Public Law and Department of Civil Law and Process,
Private Educational Institution of Higher Education "Moscow University
named after S. Yu. Witte", Moscow

ON THE POSSIBILITY OF APPLYING THE ESTOPPEL PRINCIPLE IN CRIMINAL LAW REGULATION

Annotation. *The article examines the principle of estoppel as a potential mechanism for the humanization and enhancement of fairness in criminal law regulation in the Russian Federation. It analyzes the historical and legal origins of the estoppel doctrine, its substantive content, and the specific features of its application within Anglo-American and international criminal jurisprudence, including the concept of entrapment by estoppel. The author substantiates the argument that, despite the absence of an explicit reference to estoppel in the Criminal Code of the Russian Federation, its elements are already implicitly present in Russian law and judicial practice, thereby creating both theoretical and practical prerequisites for its transplantation into the sphere of criminal justice. The article assesses the axiological potential of the estoppel principle from the perspective of protecting legitimate expectations, ensuring legal certainty, and promoting good faith conduct, and identifies typical criminal-law situations in which its application would be most justified and effective. Particular attention is paid to the development of possible legislative and procedural mechanisms for integrating estoppel into the Russian criminal law system.*

Key words: *crime, criminal law, subject, style, state, doctrine, interpretation, estoppel principle.*

В современных условиях особую актуальность приобретает поиск правовых механизмов, способных смягчить формализм уголовного закона и внести в него элементы справедливости, предсказуемости и защиты доверия. Одним из таких инструментов может выступать принцип эстоппеля – доктрина, исторически сложившаяся в англосаксонской правовой традиции, но все чаще находящая отклик и в континентальных системах права [2].

В основе эстоппеля лежит императив внутренней непротиворечивости поведения субъекта права – запрет извлекать выгоду из собственной изменчивой позиции. Этот подход давно интегрирован в арбитражный процесс и активно применяется судами при оценке добросовестности участников спора [3; 4]. Иными словами, в своем классическом понимании, суть данного принципа представляет собой правовой запрет на изменение позиции стороны, если другая сторона обоснованно полагалась на её предыдущее поведение или заявление и понесла ущерб в результате такого изменения [5]. В международной юриспруденции эта идея получила развитие в форме *entrapment by estoppel*, применяемой именно в уголовном праве для защиты лиц, действовавших в соответствии с официальными разъяснениями компетентных государственных органов [11]. Несмотря на то что в российском Уголовном кодексе прямого упоминания эстоппеля нет, его

элементы уже присутствуют в гражданском праве (ст. 1, 10 ГК РФ) и подтверждаются практикой Верховного Суда РФ, что создаёт теоретическую и практическую основу для его трансплантации в сферу уголовного регулирования [5; 6].

Цель настоящей статьи – всесторонне исследовать возможность и целесообразность применения принципа эстоппеля в уголовно-правовом регулировании Российской Федерации. Для достижения этой цели проблема будет рассмотрена через четыре взаимосвязанных направления. Первое направление предполагает анализ историко-правовых истоков доктрины эстоппеля и её международного опыта применения в уголовном праве. Второе направление посвящено оценке ценностного потенциала принципа эстоппеля для личности, общества и государства. Третье направление включает выявление и анализ типичных уголовно-правовых ситуаций, в которых реализация данного принципа была бы наиболее обоснованной и эффективной. Четвёртое направление ориентировано на разработку конкретных законодательных и процессуальных механизмов, необходимых для практической реализации эстоппеля в российской системе уголовного правосудия. Такой комплексный подход позволяет не только обосновать теоретическую допустимость применения эстоппеля, но и предложить конкретные шаги по его интеграции в действующее законодательство.

Историко-правовые основы и международный опыт применения эстоппеля в уголовном праве

Истоки принципа эстоппеля уходят в глубокую историю английского общего права, где он первоначально возник как средство защиты от несправедливого отказа от обязательств. Термин «estoppel» происходит от старофранцузского «estoupaill» – затычка, что метафорически означало «затыкание рта» той стороне, которая пыталась изменить свою позицию вопреки ранее выраженному мнению или поведению [7]. Первоначально доктрина применялась в договорных и земельных спорах, но со временем её сфера распространения значительно расширилась. К XIX веку в английском праве сформировались несколько разновидностей эстоппеля, каждый из которых имела свои специфические условия применения, но все они были объединены общей целью – защитой доверия и предотвращением несправедливости.

В российской системе права на принцип эстоппеля впервые прямо сослался Высший арбитражный суд РФ в постановлении Президиума ВАС РФ от 22 марта 2011 года № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7.

Особый интерес для уголовного права представляет американская версия доктрины – entrapment by estoppel. В отличие от классического entrapment (провокации преступления), который связан с активными действиями правоохранительных органов по склонению лица к совершению преступления, entrapment by estoppel возникает тогда, когда лицо добросовестно полагается на официальное разъяснение компетентного государственного органа о законности своих действий. В американской правовой доктрине утвердилась позиция, согласно которой, если государство убедило гражданина в том, что его поведение законно, оно не должно затем наказывать его за это же поведение [10]. Эта позиция получила конституционное обоснование в США через положения Пятой и Четырнадцатой поправок к Конституции, гарантирующих надлежащую правовую процедуру (Due Process Clause). Верховный суд США в ряде решений подтвердил, что наказание лица, действовавшего в соответствии с официальным разъяснением закона, противоречит принципам фундаментальной справедливости и правового государства.

Ярким примером является дело *United States v. Howell* (1975), в котором обвиняемый получил письменное разъяснение от Министерства сельского хозяйства США о том, что его деятельность по продаже определенных сельскохозяйственных продуктов не требует лицензии. Опираясь на это разъяснение, он продолжил свою деятельность, но позднее был привлечён к уголовной ответ-

ственности за нарушение лицензионного режима. Апелляционный суд отменил приговор, указав, что «государство не может использовать собственные ошибки для наказания граждан, действовавших добросовестно». Аналогичную позицию занял Верховный суд Канады в деле *R. v. Jorgensen* (1995), где было подчёркнуто, что «доверие к официальному толкованию закона является основой правового порядка, и его нарушение со стороны государства недопустимо».

В европейских странах, относящихся к романо-германской правовой семье, прямой аналог эстоппеля в уголовном праве отсутствует, однако его функции частично выполняются через общие принципы права. Так, в Германии принцип *Treu und Glauben* (добросовестность и доверие), закреплённый в § 242 Гражданского уложения, иногда используется в качестве аргумента в уголовных делах, связанных с мошенничеством или злоупотреблением доверием. Во Франции Конституционный совет неоднократно подчёркивал, что «принцип правовой определённости запрещает неожиданное и ретроспективное изменение правоприменительной практики, особенно если это ведёт к уголовной ответственности» (решение № 2018-773 DC от 29 ноября 2018 г.).

В России доктрина эстоппеля пока не нашла прямого отражения в уголовном законодательстве, однако её элементы уже присутствуют в гражданском праве. Статья 1 ГК РФ провозглашает принцип добросовестности как один из основных начал гражданского законодательства, а статья 10 ГК РФ прямо запрещает злоупотребление правом, включая ситуации, когда лицо изменяет свою позицию вопреки ранее выраженному поведению. Верховный Суд РФ в своём Постановлении Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений главы 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указал, что «лицо не вправе ссылаться на обстоятельства, противоречащие его предыдущему поведению, если это вредит другой стороне». Хотя данная норма сформулирована в контексте гражданских правоотношений, её логика применима и в уголовно-процессуальном контексте, особенно в делах, где поведение потерпевшего или государственного органа формировало у обвиняемого обоснованное ожидание законности его действий [3; 4]. Таким образом, международный опыт и внутренние правовые тенденции создают благоприятную почву для рассмотрения эстоппеля как возможного механизма гуманизации уголовного права в России.

Ценностный потенциал принципа эстоппеля для личности, общества и государства

Принцип эстоппеля обладает значительным ценностным потенциалом, который проявляется

одновременно в трёх измерениях: индивидуальном, социальном и государственном. Для личности он представляет собой мощный инструмент защиты от произвольного уголовного преследования, учитывающий не только формальные признаки состава преступления, но и реальный контекст поведения, степень добросовестности и наличие обоснованных ожиданий. В условиях, когда современное уголовное право все чаще сталкивается с так называемыми «техническими» преступлениями – деяниями, формально подпадающими под состав, но не содержащими реальной общественной опасности, – эстоппель становится важным корректирующим механизмом. В научной дискуссии отмечается, что эстоппель позволяет ограничить формальное применение репрессии, учитывая субъективную добросовестность обвиняемого и объективные обстоятельства дела, что усиливает правовую защищённость личности [1; 2].

Для общества внедрение принципа эстоппеля способствует укреплению доверия к правовой системе в целом. Граждане, осознающие, что их добросовестные ожидания будут защищены, демонстрируют более высокий уровень правосознания, готовности сотрудничать с государством и соблюдать закон не из страха наказания, а из убеждения в его справедливости. Исследования показывают, что доверие к правосудию напрямую связано с ощущением справедливости, и внедрение механизмов, подобных эстоппелю, позволяет минимизировать негативные последствия произвольного правоприменения [7].

Без такого механизма существует риск того, что уголовное право превратится в инструмент административного давления, а не в гарантию прав и свобод, что неизбежно ведёт к росту социального недовольства и правового нигилизма.

Для государства эстоппель выступает как механизм самоконтроля и ограничения собственного репрессивного потенциала. Он заставляет государственные органы действовать последовательно, ответственно и прозрачно, поскольку любое изменение позиции может быть оспорено в суде как несправедливое. Анализ корпоративных правоотношений, где эстоппель уже находит применение, демонстрирует, что данный принцип повышает качество правоприменения, способствуя гармонизации интересов личности и общества с интересами государства, и обеспечивает контроль за соблюдением принципа добросовестности при реализации дискреционных полномочий [3; 4].

Это особенно важно в условиях, когда следственные и прокурорские органы обладают широкими усмотрительными полномочиями, а судебный контроль за ними остаётся формальным. Принцип эстоппеля вводит элемент ответственно-

сти за действия самих государственных служащих, что способствует повышению их профессионализма и снижению числа ошибок.

Таким образом, ценность эстоппеля заключается не в отрицании уголовной ответственности как таковой, а в её гуманизации и рационализации. Он не отменяет состав преступления, но позволяет скорректировать правовые последствия с учётом реального поведения участников правоотношений. Это делает уголовное право более гибким, справедливым и легитимным в глазах общества, что соответствует общемировой тенденции развития уголовной политики [12; 9].

Типичные уголовно-правовые ситуации, допускающие применение принципа эстоппеля

Принцип эстоппеля наиболее целесообразно применять в тех уголовно-правовых ситуациях, где поведение государства, потерпевшего или третьих лиц формирует у обвиняемого обоснованное ожидание законности его действий. Одной из наиболее распространённых категорий являются дела, связанные с ошибочными официальными разъяснениями. Например, предприниматель, руководствуясь письменным разъяснением налогового органа, применяет определённую схему налогообложения, которая позднее признаётся незаконной, и он привлекается к ответственности по статье 199 УК РФ. В такой ситуации применение эстоппеля позволило бы учесть не только формальные признаки уклонения от уплаты налогов, но и факт добросовестного следования официальному разъяснению. Ключевым условием здесь является не просто наличие разъяснения, а его исход от лица, обладающего реальной компетенцией в данной сфере, что в целом соответствует логике защиты добросовестности в правоприменении [5]. Это исключает возможность ссылаться на мнения случайных сотрудников, но защищает тех, кто обращался к уполномоченным органам.

Другой типичной ситуацией является поведение потерпевшего в делах частного и частно-публичного обвинения. Согласно статье 20 УПК РФ, в таких делах инициатором преследования выступает сам потерпевший. Однако нередко возникают случаи, когда потерпевший сначала прощает обвиняемого, отказывается от претензий, а затем, под влиянием третьих лиц или в силу личной неприязни, подаёт заявление в полицию. Например, в бытовом конфликте одна сторона наносит побои, но сразу же приносит извинения, предлагает компенсацию, и потерпевший соглашается на примирение. Однако спустя время, в ходе нового конфликта, он использует прежний инцидент как основание для уголовного преследования. В такой ситуации эстоппель мог бы служить защитой от

несправедливого изменения позиции потерпевшего, особенно если его первоначальное поведение создавало у обвиняемого обоснованное ожидание, что претензий не будет [8].

Третья категория – это ситуации, связанные с лицензированием и разрешительными процедурами. Лицо получает лицензию на хранение оружия, на осуществление медицинской деятельности, на торговлю алкогольной продукцией и т.д., но позднее сталкивается с уголовным преследованием за якобы нарушение условий лицензии. Если орган, выдавший лицензию, не предупредил о нарушениях в течение длительного времени, а затем резко меняет свою позицию, это может рассматриваться как несправедливое поведение, подпадающее под действие эстоппеля. Особенно актуально это в условиях, когда нормативные акты содержат неясные или противоречивые формулировки, а чиновники дают устные заверения, которые позднее не подтверждаются документально. Подобные случаи требуют оценки через призму принципа добросовестности, лежащего в основе эстоппеля [1].

Наконец, эстоппель может применяться и в случаях, связанных с необходимой обороной или крайней необходимостью, когда лицо действует, полагаясь на поведение правоохранительных органов. Например, если полиция отказывается реагировать на сообщение о преступлении, и гражданин вынужден самостоятельно защищать свое имущество, применяя физическую силу, последующее привлечение его к ответственности за превышение пределов самообороны может быть признано несправедливым, если он обоснованно полагался на бездействие государства как на сигнал к самостоятельным действиям.

Во всех этих ситуациях эстоппель не отменяет объективной стороны деяния, но позволяет учесть субъективную добросовестность и обоснованность ожиданий, что повышает справедливость и предсказуемость уголовного правосудия, сближая его с подходами, выработанными в международном праве [11].

Законодательные и процессуальные механизмы реализации принципа эстоппеля в российском уголовном праве

Для практической реализации принципа эстоппеля в российской системе уголовного правосудия необходимы как законодательные, так и процессуальные изменения. На законодательном уровне целесообразно внести дополнение в статью 1 Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепив в ней положение о том, что «лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно добросовестно и разумно полагалось на официальное разъяснение компетентного государствен-

ного органа или на поведение другой стороны, создающее обоснованное ожидание законности своих действий». Такая норма не противоречит принципу *legality* (законности), поскольку не отменяет состав преступления, а лишь вводит дополнительное основание для освобождения от ответственности, аналогичное тем, что уже предусмотрены в главе 8 УК РФ (например, необходимая оборона, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение). Подобное изменение соответствовало бы логике развития уголовно-правовой доктрины, отраженной в работах по реформе уголовного законодательства [8; 12].

На процессуальном уровне необходимо разработать четкие механизмы фиксации и доказывания правомерных ожиданий. Это может включать обязательное документирование всех официальных разъяснений, выдаваемых государственными органами, введение в протоколы допросов вопросов о наличии у обвиняемого оснований полагать свои действия законными, а также предоставление права заявлять ходатайство об учете эстоппеля на любой стадии уголовного судопроизводства. Суды, в свою очередь, должны оценивать такие заявления по следующим критериям: компетентность источника разъяснения, объективная разумность доверия, отсутствие злого умысла у обвиняемого и причинно-следственная связь между доверием и совершенным деянием, что требует детального анализа в каждом конкретном случае [3; 4].

Кроме того, необходимо разработать методические рекомендации для следователей, прокуроров и судей, разъясняющие условия и пределы применения эстоппеля. Без этого принцип рискует остаться декларативным и не получить практического применения. Важно также обеспечить преемственность с гражданским правом: решения судов по гражданским делам, в которых уже установлен факт применения эстоппеля, должны иметь значение и в уголовном процессе как доказательство добросовестного поведения лица [6].

Наконец, следует учитывать конституционные основания для внедрения эстоппеля. Статья 2 Конституции РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а статья 53 запрещает возложение на граждан обязанностей, не предусмотренных законом. Эти нормы создают прочную конституционную базу для признания эстоппеля как механизма защиты от произвольного правоприменения. Эстоппель как раз и обеспечивает это равновесие, позволяя уголовному праву оставаться не только карательным, но и справедливым институтом, что согласуется с его фундаментальными целями, обсуждаемыми в классических трудах по уголовному праву [10; 9].

Принцип эстоппеля, несмотря на отсутствие прямого закрепления в российском уголовном законодательстве, обладает значительным потенциалом для гуманизации и рационализации уголовного правосудия. Анализ историко-правовых основ и международного опыта показывает, что доктрина эстоппеля успешно применяется в ведущих правовых системах мира как механизм защиты добросовестного поведения и ограничения произвольной репрессии [7; 11]. Оценка его ценностного потенциала подтверждает, что эстоппель способен укрепить защиту личности, повысить доверие общества к правовой системе и обеспечить самоконтроль государства [2; 4]. Исследование типичных уголовно-правовых ситуаций демонстрирует, что потребность в таком механизме существует в самых разных сферах – от предпринимательской деятельности до бытовых конфликтов [5; 6]. Наконец, разработка законодательных и процессуальных механизмов позволяет предложить конкретные шаги по интеграции эстоппеля в российскую правовую систему.

Таким образом, внедрение принципа эстоппеля в уголовно-правовое регулирование Российской Федерации является не только теоретически обоснованным, но и практически необходимым шагом на пути к созданию более справедливого, предсказуемого и легитимного правопорядка. Его применение позволит сбалансировать интересы государства, общества и личности, снизить чрезмерную репрессию и укрепить доверие к системе уголовного правосудия. Эстоппель становится не альтернативой уголовной ответственности, а её необходимым коррективом, обеспечивающим соответствие закона духу справедливости, что является конечной целью любого уголовно-правового регулирования.

Список литературы:

- [1] Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом / А.В. Волков // Юрист. 2013. № 8. С. 3–7.
- [2] Грачева С.А. Критерий добросовестности в координатах судебного экономического дискурса / С.А. Грачева // Российская юстиция. 2021. № 10. С. 20–28.
- [3] Коваленко А.А. Доктрина «эстоппель» в контексте принципа добросовестности судебной практике РФ // Юрист. 2023. № 3. С. 55–60.
- [4] Коваленко А.А. Эстоппель в корпоративных правоотношениях / А.А. Коваленко // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 25–28.
- [5] Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля / К.А. Роор // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 71–81.
- [6] Якимова Е.С. Соотношение принципа добросовестности и эстоппеля в российском гражданском праве на современном этапе / Е.С. Якимова // Образование и право. 2019. № 1. С. 95–99.
- [7] Garner, B.A. Black's Law Dictionary / B.A. Garner. 9th edition. Eagan, Minnesota: West Publisher, 2009. 1920 p.
- [8] Joost R. Federal Criminal code reform: is it possible? // Symposium. Op. cit. P. 197.
- [9] Kadish S. The model penal code's historical antecedents. 19 Rutgers L.J., 1988. P. 521.
- [10] LaFave W. Criminal law. St. Paul, MN, West, a Thomson business, 2003. P. 5.
- [11] Reinhold, S. Good Faith in International Law / S. Reinhold // Journal of Law and Jurisprudence. 2013. Vol. 40–63. 22 p.
- [12] Wechsler H. The American law institute: Some observations on its Model penal code. 42 A.B.A.J. 1956. P. 321.

References:

- [1] Volkov A.V. Correlation of the principle of good faith and the principle of inadmissibility of abuse of law/A.V. Volkov//Lawyer. 2013. № 8. S. 3-7.
- [2] Gracheva S.A. Criterion of good faith in the coordinates of judicial economic discourse/S.A. Gracheva//Russian Justice. 2021. № 10. S. 20-28.
- [3] Kovalenko A.A. The doctrine of "estoppel" in the context of the principle of good faith in the judicial practice of the Russian Federation//Lawyer. 2023. № 3. S. 55-60.
- [4] Kovalenko A.A. Estoppel in corporate legal relations/A.A. Kovalenko//Legal science. 2021. № 7. S. 25-28.
- [5] Roor K.A. The concept and essence of estoppel/K.A. Roor//Actual problems of Russian law. 2018. № 7 (92). S. 71-81.
- [6] Yakimova E.S. Correlation of the principle of good faith and estoppel in Russian civil law at the present stage/E.S. Yakimova//Education and law. 2019. № 1. S. 95-99.
- [7] Garner, B.A. Black's Law Dictionary / B.A. Garner. 9th edition. Eagan, Minnesota: West Publisher, 2009. 1920 p.
- [8] Joost R. Federal Criminal code reform: is it possible? // Symposium. Op. cit. P. 197.
- [9] Kadish S. The model penal code's historical antecedents. 19 Rutgers L.J. , 1988. P. 521.
- [10] LaFave W. Criminal law. St. Paul, MN, West, a Thomson business, 2003. P. 5.
- [11] Reinhold, S. Good Faith in International Law / S. Reinhold // Journal of Law and Jurisprudence. 2013. Vol. 40–63. 22 p.
- [12] Wechsler H. The American law institute: Some observations on its Model penal code. 42 A.B.A.J. 1956. P. 321.